

Константин Чекмарев.
Фото Алексея Даняева

На острове Гогланд

В самом начале перестройки, когда только-только начал приподниматься казался бы незыблемый «железный занавес», почувствовалось дуновение неизвестной доселе свободы. Первыми вестниками изменяющейся ситуации стали появившиеся у нас гости из соседней Финляндии. Караван – около 20 малых судов – посетил наш клуб «Нева». Отряд состоял из разнообразных, но, как правило, быстрходных и мореходных моторных яхт, управляемых опытными капитанами-любителями, которые входили в состав добровольных морских спасателей рода Хамина.

Языковой барьер успешно преодолели в первый же день. Нам пришлось вспомнить школьный и институтский курсы иностранных языков, привлечь энергичную жестикуляцию и – дело пошло. Через четыре дня, когда гости собирались домой, мы уже довольно свободно беседовали на прощальном вечере. Домашние пироги, испеченные нашими женщинами, плюс русская водка под финские рыбные закуски сделали это общение особенно теплым.

Утром следующего дня мы пожелали гостям традиционные «семь футов под килем и попутного ветра», катера по одному стали отчаливать и выходить на Невку, выстраиваясь в кильватерную колонну. И вот – один из больших катеров (по виду – совершенно новый) замешкался, его двигатель отказался заводиться.

Расстроенный и растерянный гость уже схватил трубку радиотелефона, чтобы вызвать техническую поддержку (у них так и записано во всех инструкциях: что-то сломалось – звони, и придут, где бы ты ни находился, и помогут, что бы ни случилось).

Наши лучшие специалисты (один – кандидат далеких от моторов наук, другой – классный слесарь), не дожи-

даясь приглашения, ринулись на помощь. Хозяин, как выяснилось – банковский служащий, даже не знал, где у него что, не нашел даже инструкцию по эксплуатации (да и зачем она, собственно, если на любую неисправность в ней один рецепт – звони!). Пришлось действовать по обстановке. Попросили хозяина открыть моторный отсек, нашли распределительный щиток с цветными предохранителями и отыскали перегоревший. Хозяин этого чуда техники, с тревогой наблюдавший за действиями русских, только развел руками. Хуже другое – он не знал, где находятся запасные предохранители (подозреваю, и не знал вообще что это такое). На коротком консилиуме прозвучало естественное для нашей практики предложение установить «жука». Хозяин катера, услышав непонятный технический термин, забеспокоился. Объяснить ему, что такое «жук», не представлялось возможным, в нашем и его английском подходящих слов не нашлось. Наглядный пример – лучшая учеба. Российское «ноу-хау» сработало – стартер включился, но подсевший аккумулятор уже не тянул. Срочно приволокли тяжеленный, не иначе как «танковый» источник весом килограм-

мов под 40. «Прикурили» – и новенький шестицилиндровый «Меркурий» ожил. Восхищению гостя не было границ. Он бросился в каюту, достал упаковку пива «KOFF» из холодильника и с уважительным поклоном поставил ее на бон у наших ног. Затем он бросился на полных ходах догонять ушедший далеко караван, но ни работающий двигатель, ни вспенившаяся за кормой струя не могли заглушить его радостных воплей: «Рашен жюк!!! Рашен жюк!!!».

Очевидно, мы присутствовали при рождении еще одной легенды о русских умельцах.

Расставаясь, мы договорились о продолжении дружеских контактов.

В беседах с Командором финского отряда прозвучало предложение на будущий год устроить встречу на острове Гогланд. Он находится рядом с нашей и финской границами. Повод для встречи имелся и был достойным. Исполнялась круглая годовщина создания первой в России морской спасательной станции на острове Гогланд. Финляндия в те времена входила в состав Российской империи. Жители финского побережья и ближайших островов, имевшие большой опыт мореплава-

ния, и были привлечены для работы на гогландской станции. Таким образом в соседней с Петербургской губернии зародилась и начала развиваться собственная спасательная служба на море, от этого времени и ведет отсчет истории существования корпус финских спасателей, ныне – Добровольная организация морских спасателей (некое подобие нашего ОСВОДа).

Уважая нашу совместную морскую историю, финны предложили изготовить мемориальную доску и общими усилиями водрузить ее на каком-нибудь видном месте.

Нашей стороне было предложено преодолеть возможные официальные преграды для осуществления этого благородного замысла. Скажу только, что это было нелегко. Консерватизм управленцев и силовиков был традиционно силен, им всюду мерещились шпионаж и происки врагов. Во всех инстанциях интересовались одним и тем же: «А зачем им это надо? Что они хотят показать этим шагом? Есть же в этом какой-то тайный смысл!».

Так или иначе, но к следующей навигации разрешение было получено, была согласована дата встречи на Гогланде и уточнен состав обеих делегаций.

Нашу команду в составе трех яхт возглавил тогдашний капитан клуба «Нева» Геннадий Тимофеевич Козлов на своей самодельной яхте «Талисман». В группу вошел крейсерский швертбот класса Т-3 и самодельный крейсер, построенный на базе «Дракона». Экипажи состояли из членов клуба и их друзей. Я был включен в состав экипажа швертбота и проделал это запомнившееся путешествие в прекрасной компании.

В назначенный день три наши яхты покинули клубную стоянку, по проторенной дороге быстро добрались до форта Обручев (минуя северные ворота в строящейся дамбе) и в его гавани заночевали, а рано утром следующего дня направились к далекому острову. Ветер был не сильный, но на удивление постоянный и попутный (бакштаг правого галса), так что нам повезло пройти весь путь одним галсом. Ночью мы проходили мимо дежурного пограничного корабля. Он, осветив нас прожектором, даже не стал останавливать яхты для проверки, так хорошо мы шли.

Гогланд открывается необычно. Сначала на западе появляется нечто подобное зарождающейся грозовой туче. Потом, по мере приближения, туча превращается в полосу высокого тумана. И вдруг над этим туманом появляется вершина горы, затем, севернее ее, другая и уже чуть позднее – третья, пониже. Туман растворяется, и остров предстает во всей красе. Он действительно великолепен.

Капитан нашего швертбота уже вывел нас на бухту Суркюлян-Лахти. По створным знакам мы вошли в нее, повернули направо и, сбросив паруса, ошвартовались у высокого деревянного мола.

У пирса уже стояли обе яхты нашего отряда, окруженные толпой любопытных островитян. На Гогланде нечасто бывали случайные посетители, поскольку режим посещения острова в те времена был обставлен очень серьезными ограничениями. Остров фактически занимала воинская часть, состоящая из нескольких подразделений, а немногочисленные гражданские жители были членами семей военнослужащих и обслуживающим персоналом.

Среди встречавших выделялись два полковника и начальник погранзас-

тавы, не помню в каком чине. После проверки наших документов состоялось импровизированное интервью, на котором мы пытались удовлетворить общее любопытство относительно целей нашего визита. Сообщение об установке мемориальной доски на их любимом острове было встречено сорадовшимися с неподдельным энтузиазмом. Тут же посыпались предложения относительно места ее установки, островитяне предлагали места одно лучше другого. Окончательное решение было оставлено до прибытия финской делегации, честь выбора места по праву принадлежала гостям.

Подошло время randevу. На северной стороне горизонта показалась быстро растущая белая точка. Она стремительно приближалась, следуя вдоль линии красных буев, которыми была обозначена на воде линия госграницы. И вот уже большой красавец-катер, лихо развернувшись, влетел в бухту. Сбавив ход и подработав подруливающим устройством, он аккуратно подошел к пирсу. Экипаж в белой клубной форме и в фуражках с эмблемами Добровольной спасательной службы Финляндии ловко ошвартовал судно и, выстроившись на пирсе, сразу же предстал перед встречающими. Тут мы испытали трудно скрываемое чувство неловкости: три наши команды предстали, как пестрая группа статистов при съемках фильма «про пиратов». На щеголеватость и выправку не было ни малейшего намека...

И в тот самый момент, когда встречающиеся стороны были уже готовы к началу официального общения, внимание присутствующих было отвлечено событиями, происходящими в море: к острову на всех парах, изрыгая клубы дизельного дыма, летел пограничный корабль. Застопорив ход, он остановился у входа в бухту, команда сноровисто спустила на воду разъездной катер, и тот на полной скорости устремился в нашу гавань. Вот уже все стали видны сидящие в нем автоматчики в оранжевых спасательных жилетах и касках. Возглавлял отряд морской офицер во всей форме.

Катер вошел в гавань, развернулся в нашу сторону и в этот самый момент резко сбросил ход и остановился посреди бухты – из кормового моторного отделения вырвались клубы дыма.

Рулевой бросился в корму, открыл крышки моторного отсека – и отшатнулся. Затем он быстро схватил огнегаситель и направил струю прямо в дым. Недолгая борьба завершилась победой человека – дым исчез, но катер хода не получил. Матросы отложили в сторону автоматы и, разобрав сиденья катера, принялись ими грести, стараясь двигаться в нашу сторону.

Картина была весьма живописная. Офицер торжественно восседает за штурвалом, матросы в касках и в жилетах гребут досками с обоих бортов, а из моторного отсека торчит зад моториста, обтянутый грязными рабочими брюками. Катер торжественно и плавно, а главное – безмолвно подошел к пирсу...

Теперь комплект был полный: два полковника сухопутных войск и два офицера погранвойск – сухопутный и морской. Началась официальная церемония проверки. Когда все необходимые формальности оказались выполнены и проверяющие в сопровождении экипажа катера и Командора показали на пирсе, стало ясно, что проверка прошла на высочайшем уровне: на лицах участников застыло выражение глубокой удовлетворенности.

Позднее мы узнали причину необычного представления, разыгравшегося на наших глазах в бухте Суркюлян-Лахти. Оказывается, корабль пограничников находился на дежурстве в районе Западного Березового острова. Финны точно в назначенное время и в указанном заранее месте пересекли границу и остановились. Их никто не встретил. Поболтавшись немного, они двинулись в сторону Гогланда, справедливо решив, что пограничники ждут их там на месте. Наши моряки засекли гостей на радаре, но не спешили – не торопясь, подняли якорь, запустили двигатель и двинулись навстречу, когда катер финнов уже повернул в нашу сторону. Началась погоня, результат которой был предопределен: спешащие на Гогланд, чтобы не оказаться невежливыми, гости имели фору миль 10–15 и ход 25 узлов, тогда как пограничники выжимали от силы 17–19. Неудача раздражала наших моряков и, когда они подошли к острову, желая поскорее разобраться с «нарушителями», в суматохе забыли открыть кингстон забортной воды системы ох-

ладжения. На коротком заключительном пробеге полным ходом (метров 200–300) двигатель у них перегрелся и задымил...

Настало время ужина. Представители финской стороны пригласили нас на свой шикарный катер, где уже все было готово для неформального общения. Со своей стороны мы смогли добавить на общий стол лишь необходимое количество бутылок качественной русской водки.

Спустя некоторое время, в широком кокпите финского катера воцарилась неподдельная атмосфера дружбы и морского товарищества. Все мы будто снова перенеслись на берег родного клуба и продолжали прерванное год назад общение. Снова в ход пошла чудовищная смесь английского, финского и русского языков, обильно дополняемая энергичной жестикуляцией. Предусмотрительно взятый с собой финнами переводчик отдыхал, со снисходительной улыбкой наблюдая эту языковую вакханалию, и лишь изредка вступал в разговор, разъясняя особенно замысловатые обороты речи присутствующих.

На следующий день, ближе к обеду, состоялась главная церемония, осуществление которой свело нас всех на Гогланде. Военные хозяева острова терпеливо ждали нашего пробуждения. Когда мы вышли на пирс, отряд финнов в полном составе был уже там. Для постороннего наблюдателя это сборище под яркими лучами солнца выглядело занятно. Группа офицеров, сверкаю-

щих погонами, группа гостей в белоснежной клубной форме и группа «пиратов» в тельняшках (чистых и почти новых), прикрытых выцветшими ветровками. В нашем строю фуражка – выдавший виды головной убор советского военного моряка с «крабом» – украшал только голову Геннадия Тимофеевича. Он, хоть и в отставке, но никогда с нею не расставался в память о службе на Северном флоте.

Не хватало только шумной и суетливой толпы телевизионщиков и представителей прессы, их никто не смог пригласить, поэтому происходящее не рядовое событие никто не запечатлел для истории, а жаль. Ни один из нас не рискнул взять фотоаппарат на военный объект.

Место для установки мемориальной доски было выбрано еще вчера в ходе знакомства гостей с военным начальством. Осталось теперь только осуществить задуманное со всеми соответствующими почестями.

Ведомая хозяевами острова процессия покинула пирс и по песчаному пляжу двинулась вдоль берега бухты. Пройдя метров 100–150, мы остановились перед препятствием – путь преграждала колючая проволока, натянутая между высокими столбами. Столбы начинались в воде и цепочкой уходили в глубь острова, теряясь в лесу. Обхода не было, но в ограждении зияла внушительная дыра метра два на полтора. Офицеры ловко и без малейших колебаний преодолели это препятствие (оно и не являлось таковым для подготовленных военных), а гости в недоумении остановились и шумно загомонили. Не поняв причины задержки, один из полковников вернулся – преодолел препятствие снова – и обратился к переводчику: «В чем дело? Что их смущает? Дыра широкая, не зацепитесь!». Мы, то есть российская часть группы, тоже недоумевали: дыра – большая, тропа, протоптанная на пляжном песке множеством ног, показывала, что колючка давно уже не являлась серьезным препятствием для островитян. В конце концов, мы были готовы помочь, придерживая на время прохода гостей болтающиеся обрывки проволоки. Нет! Дело оказалось совсем не в этом. Переводчик перевел короткую фразу потупившегося Командора и жестом указал на фанерную табличку, косо висящую на

столбе ограды: «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА! ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН! СТРЕЛЯЮТ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!»

Все мы разразились дружным хохотом. Живя в России, мы давно отвыкли читать надписи на заборах. Мало ли что там напишут! А финны (как и вообще западные люди) с уважением любому объявлению и строго следуют указаниям. Обычная граница между двумя территориями воинских частей поставила их в тупик. Чего бояться? Ведь оба начальника соседствующих территорий находились вместе с нами.

Полковник берет за руку слабо упирающегося Командора, ведет его к дыре и, благополучно проводив на «запретную» территорию, разворачивает лицом к нам, чтобы все видели, что ничего с ним не произошло. Однако на лице Командора снова появляется искреннее недоумение, ибо на обратной стороне таблички написано буквально то же самое (надпись сделана по одному трафарету)...

Теперь хохочут даже сдержанные на проявление эмоций северные соседи.

Весело переговариваясь, мы обогнули бухту и подошли к месту проведения церемонии. Недалеко от уреза воды прямо из песка выходила красная гранитная глыба. Ее плоская отполированная временем поверхность была обращена прямо ко входу в залив. Лучшего места и желать не надо. Капитан любого входящего судна увидит ее перед собой и сможет в бинокль прочесть надписи.

Суровый молчаливый финн, несший внушительный пластмассовый чемодан, подошел к камню и приступил к порученному ему делу. Раскрыв на песке свою ношу, оказавшуюся походным набором инструментов, он извлек старинный молоток с отполированной ладонями ручкой. Несколькими ударами в разных местах камня определил прочность поверхности и остался доволен: камень отзывался на удары «малиновым» звоном. Затем мастер развернул упакованный в бумагу большой плоский пакет и извлек из него картонный шаблон мемориальной доски с отверстиями по углам, необходимыми для разметки мест крепления. А вот чем он будет долбить камень? Финн достал из чемодана большую дрель с массивной ручкой и вставил в ее пат-

рон сверло диаметром миллиметров двадцать. Мы, русские водоплавающие, естественно, знакомые с работой самыми различными инструментами, с огромным любопытством наблюдали за происходящим, поскольку не видели провода питания. А финн надел перчатки, включил кнопку на ручке и невозмутимо принялся сверлить первое гнездо. Дрель работала превосходно, сверло довольно быстро погружалось в вековой камень-монолит, как в обычное дерево. Так мы впервые познакомились с инструментом, работающим от аккумулятора.

Все четыре гнезда были просверлены за какие-нибудь 20–30 минут. «Волшебник» выключил дрель, вынул сверло, обтер его и патрон дрели тряпочкой и благоговейно уложил в соответствующие ячейки чемодана. Затем, вынув нечто, похожее на медицинскую клизму, аккуратно выдул гранитные крошки и пыль. Все мы молча наблюдали этот показательный урок работы (не забывайте – мастер, как и все гости, был одет в белоснежную форменную одежду!).

Тем временем финн, как фокусник, извлек из того же бездонного чемодана четыре толстые стальные заклепки с большими полукруглыми головками, последовательно примерил каждую к своему отверстию, вынул их и, отступив немного в сторону, выпрямился и замер в почтительной неподвижности.

От группы гостей отделились два крепких парня и, подойдя к скале, торжественно возложили на приготовленное место массивную металлическую мемориальную доску с рельефным текстом на двух языках. Пока юноши удерживали бесценный предмет на весу, мастер вложил в гнезда по заклепке, затем аккуратно, но сильно, нанес по четыре четких удара по небольшим стальным цилиндрикам, торчащим из каждой головки. Цилиндрики ушли заподлицо, и остались только полированные полусферы. Мемориальная доска была установлена.

Участники церемонии – вся финская группа и наши военные – взяли под козырек! Из нашей группы к этому торжественному ритуалу присоединился только Геннадий Тимофеевич, остальным осталось только замереть, держа руки по швам!

Прозвучало троекратное ура! И за-

хлопали открываемые бутылки шампанского. По нашей традиции следовало бы разбить бутылку о памятный камень, но у гостей менталитет был совсем другой – Командор степенно подошел к скале и обрызгал ее пенной струей, как из огнетушителя.

Командор произнес приличествующую моменту речь, переводчик едва успевал доносить до нас смысл сказанного, хотя во многом все было понятно и без перевода: «Новые времена, дружба между народами, морское братство спасателей»...

В ответной речи наш капитан постарался не ударить в грязь лицом и не менее возвышенно и витиевато выразил примерно те же самые мысли.

Остатки принесенного шампанского допивали за беседами, разбившись на группы. В нашей группе оказались оба местных полковника. Один негромко сказал другому: «Надо бы проследить, чтобы солдатики не скovyрнули красивую досочку и не приделали бы ей ноги». И тут мы впервые услышали голос финского мастера находившегося неподалеку: «Э..т..то врят..т..ли!». В этой короткой выразительной фразе было все: и уверенность в своей работе, и законная гордость за нее.

